

СЕРГЕЙ ГЛАВАЦКИЙ

МОЯ ПОДВЕНЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

***

Какая юность сумасшедшая
Дана мне, помнится, была!
Она была – как птиц сольфеджио!
А нынче смерть со мной легла

И, птицам противоположная,
Лежит, лежит и не встаёт,
А мне по праву: осторожная,
И чувство такта у неё.

Её зеницы ледовитые,
Как и у той, кто навсегда, –
Цветов арктических софиты и
Внутри – аквариумы льда.

Её дыханье акапельное
Свежо, как первый поцелуй,
И вся, как юность, неподдельная,
Она – компост из аллюлуй.

Она легла со мной заранее,
Чтоб притулиться в тишине –
Не пламенем, но выгоранием,
И разузнать, нужна ли мне.

Она меня не хочет, загодя
Лишь примеряется, учась,
Её глаза – оттенка слякоти...
Но я хочу её, сейчас.

Так и лежим, беззвучно, вкрадчиво,
Глаза друг другу обнажив...
И жизнь со мной была, как мачеха,
И смерть обняться не спешит.

***

Среди безглавых белых статуй
Спокойный, мягкий свет дневной...
С тобой мы были тем богаты,
Что ты хотела быть со мной...

В тех дымчатых волнах предчувствий,
Неясных, непонятных нам,
Мы говорили об искусстве,
Созвучном чудным тем волнам,

Мечтая о грядущих встречах,
Которым быть не суждено...
Был день глубокий и пересвечен,
И свет не мог нащупать дно...

Ты помнишь, как ты растерялась,
Когда из этой мастерской
Меня, как будто рыбным тралом,
Наружу выкрал гул морской?

Уже потом запахло тризной,
И эти статуи вокруг
Смотрели в спину с укориной,
И меркли канделябры рук.

Уже потом судьба крошилась,
Как лишний хлеб, уже потом
Надежды жухли, словно жилы,
И осыпался в воздух дом.

Ну а тогда, в той пантомиме,
Казался счастьем миг любой,
Мы были там, внутри, своими
И точно были там собой,

И я запомнил: в том богатстве
Надежда мы верили мечте,
И кроме нас самих препятствий
Для счастья не было нигде.

***

Я помню ночи Коктебеля
И послевкусия от ссор,
И как рассветы низко пели,
Сужая падкий кругозор,

Была твоя природа – зонтик,
Подобный пёстрым витражам,
Хроматоскоп на горизонте,
Цветной химический пожар.

Была твоя натура – купол
От настоящего всего,
Души дырявая халупа
Качала в люльке колдовство.

А я любил твоё смятенье,
Как вечность любит небеса,
И неподвижное виденье
Остановило мне глаза,

Вселилось в них слепящим бликом
И прописалось навсегда,
И ты живая, поелику
Мои глаза – как невода.

Как жаль, что только упокоюсь
В моих глазных колоколах,
Ты настоящая, какою
Ни разу в жизни не была.

И жаль, что невода однажды
Тебя отпустят, исхудав,
И будет видеть олух каждый
Исконный, едкий твой состав.

***

В тумане, где спутник не виден,
А может быть, нет и его,
Хожу сотни лет, самобытен,
Сам-призрак, верней, существо.

Зелёные росные травы
Как будто постригли вчера,
Но только безмолвию – браво,
Одна тишина – на ура:

Ни звука в туманах зелёных,
Подсвеченных белой травой,
Но изредка белые клёны
Встречает фантом кочевой,

И нет ни следов пешеходов,
Ни ночи, ни сумерек нет,
Единственным временем года
Является сжиженный снег.

Ни птичьих следов, ни звериных,
Ни тайных пештаков сюда.
Туман, как вуаль балерины,
И словно пуанты – вода.

Охота – по полю – ногами,
Неймётся – глазами – сквозь тьмы
В одной из развенчанных камер
Бескрайней и вечной тюрьмы.

Но нет перспективы побега,
Туман – паука волокно.
Моё неподвижное эго
Не помнит, откуда оно...

И вот, меж тумана клубами,
От белых цветов без ума,
Моя подвенечная память
Забыла, откуда сама...

Не учи меня жить,
Я живу, как умею:
Безобидны ужи,
Но они тоже змеи.

Не тревожь этот скит,
Не раскапывай храмы.
Там, где ширь у других,
У меня только яма.

У одних есть «кино»,
У других только правда.
Не делись же со мной
Своим взглядом на завтра.

У меня в голове
Много собственной боли:
Слишком чужд этот свет,
Да и тот – пересолен.

У меня на душе
Язвы неисцелимы.
Не помогут уже
Ни молитвы, ни климат.

Разреши мне дожить,
Что отмерено свыше –
На свои рубежи
Я почти уже вышел...

Так не пей эту нефть:
Я на фатум помножен,
К сожаленью ли, нет –
Мне уже не поможет

Вера в тысячи вольт,
И живые – не ровня мне,
И затихнуть позволь,
Как положено – вовремя.

ПАНОПТИКУМ

Мы жили в прошлом. Там, спросонья,
Чужое царство не приемля,
Горя вулканами в озоне,
Морями застилая земли,

Мы наши догмы и законы
Вселенной этой диктовали,
Богов учили лексикону,
Стихии в губы целовали.

О, сколько нас тогда, весёлых,
Величиною с Мирозданье,
Размером с космос новосёлов
С Судьбой ходили на свиданья!

Теперь, засушенные маги,
На нервной почве вырастая,
Внутри похожие на маки,
Мы – лишь рассеянная стая.

Что россыпь желудей бесплодных
В яйцекладущие темницы,
Снаряд с личинками бесплотных,
Взрывающийся роженицей,

Мы – заповедники немые,
Спасающие друг от друга,
Навылет блудные прямые
Из расколдованного круга,

Друг другу ноющие боли,
Друг другу квантовые слёзы,
В космические вакуоли
Хтоническая целлюлоза,

Гробы с останками, бесхозной
Консервной вакуума снедью,
В бескрайнем холоде межзвёздном
Летающие тысячелетья,

Входящий в колокол церковный
От абонента-анонима...
Но тот звонок беззвучен, словно
И жизнь, и смерть проходят мимо...

Нам не найти друг друга, пленных,
От света звёзд происходящих,
В раздувшемся мешке Вселенной,
Не уместяющейся в ящик.

Что ядра звёзд без электронов,
Что распадающийся сон, мы
Друг другу даже не Хароны,
А только Вояджеров сонмы,

На все четыреста четыре
Безвестных стороны летящих
В мертворождённом чёрном мире,
Казавшемся живородящим.

***

Ещё не научившись жить,
Я понимаю: время вышло.
Живя по прихоти души,
Я, как и встарь, остался припшлым,

Себя по крохам раздарив,
Для всех вокруг остался чуждым,
Но неудач тройной тариф
Оплачивал согласно нуждам.

Я создавал и воевал
За право мир лечить от боли,
И был широк мой ареал,
Лучась в межзвёздном ореоле...

Я созидал и потому,
Летя сквозь пузыри слепые,
Ни разу к миру моему
Не прикасалась энтропия.

Я был как шторм, и в домино
Любви играл я беззаветно,
Но стала жизнь моя давно
Уже не серой, а бесцветной...

Судьба сопротивлялась мне,
Пространство всюду было против,
И потому для всех втройне
Я слыл изумчив и юродив.

Но, избежав монастырей,
Я знаю, что, подвластно тлению,
Добро забудется быстрее,
Чем обнулится поколение,

Забвенье вечно и едва
Юнее, чем Вселенной автор,
И только верные слова
Помогут нам смириться с правдой:

В контексте реющих пустот
Страшно забвение Вселенной,
Но и Её забвенье ждёт,
Ведь Мирозданье тоже тленно.

Закрылись тысячи дверей
В миры, что были лучше сгнившей
Цивилизации зверей,
Себя царями возомнивших...

Забыты напрочь имена
Венедов, антов и склавинов,
Ушли в чертоги вечной тьмы
Их неизвестные поэты...

И нас забудут племена,
На нас летящие лавиной...
Ну что ж, забудемся и мы,
И ничего такого в этом.